

Лейкин Николай Александрович

Под орех
Юмористрассказы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Под орех: Юмористрассказы / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 194 с.

ISBN 978-5-519-92936-3

ISBN 978-5-519-92936-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ѣтнее утро. Часовъ восемь. Швейцаръ, здоровеннѣйшій дѣтина лѣтъ тридцати съ небольшимъ, дѣтина по своей мощи сумѣющій справиться съ плугомъ даже безъ помощи лошади, или протащить безъ особенныхъ усилій куль овса съ добрыхъ четверть версты, только что проснулся въ своей каморкѣ подъ лѣстницей и сталъ отворять подъѣздъ. Лицо его было запухши, волосы всклокочены. Отворивъ подъѣздъ, онъ остановился на крыльцѣ, потянулъ въ себя воздухъ ноздрями, зѣвнулъ и перекрестился на виднѣющійся въ дали улицы церковный крестъ. Швейцаръ былъ безъ сюртука. Поерзавъ ситцевой рубахой по груди, онъ еще разъ зѣвнулъ, обернулся въ отворенный подъѣздъ и крикнулъ женѣ:

— Софья! Ставь самоваръ! Нечего тебѣ на перинѣ-то проклажаться.

По улицѣ ѣхали шажкомъ на промыселъ извозчики. Они

ѣхали цѣлой гурьбой. Двое изъ нихъ повернули къ подъѣзду, но швейцаръ махнулъ имъ рукой и сказалъ:

— Нельзя тутъ останавливаться. Отъѣзжай прочь.

— Отчего же нельзя? Мы сѣдоковъ изъ этого дома пока-
раулили бы... отвѣчали извозчики.

— Для сѣдоковъ съ моей лѣстницы у меня есть и зна-
комые извозчики.

— А вотъ постоимъ, такъ и мы будемъ знакомыми.

— А коли хочешь быть знакомымъ, то давай положеніе
швейцару. У меня положеніе по двѣ копѣйки съ извозчика.

— По двѣ копѣйки! Эво еще какой выискался! Будетъ ли,
не будетъ ли сѣдокъ, а подавай по двѣ копѣйки?

— У моего подъѣзда будетъ. У меня сѣдокъ хорошій, безъ
ряды садится.

Извозчики переглянулись.

— Ефремъ! Дать, что ли, по двѣ копѣйки? Сѣдоковъ-то нонѣ
лѣтомъ въ городу не завалило, проговорилъ одинъ изъ нихъ.

— Да дадимъ попробуемъ, коли ужъ такъ очень хвастаетъ.

— И ужъ за эти деньги хотъ три раза на дню къ моему
подъѣзду подъѣзжай, пояснилъ швейцаръ.

Деньги даны. Швейцаръ подбросилъ мѣдяки на рукѣ, обер-
нулся опять въ отворенный подъѣздъ и опять крикнулъ:

— Софья! На четыре копѣйки! Сбѣгай въ булочную за булкой.

Черезъ полчаса онъ сидѣлъ у себя въ каморкѣ въ сообщ-
ествѣ жены за самоваромъ и пилъ чай.

— Будешь сегодня лѣстницу мести? спрашивала жена.

— Что ее мести! И такъ чиста. Третьяго дня мель. Кабы
ковры были, то пыль видна; а то ковры сняты, такъ чего тутъ?...

— Ковры-то бы вотъ надо было выколотить, а то какъ бы
моль не поѣла.

— Такъ выколоти, коли ужъ такъ очень чувствительна
къ хозяйскому добру, а я и мѣсяца еще нѣтъ, какъ колотилъ
ихъ. Башка вотъ трещитъ со вчерашняго... Думаю, не опо-
хмелиться ли.

— Спозаранку-то?

— Спозаранку-то и опохмеляются.

Швейцаръ полѣзъ въ шкафикъ подъ столъ, досталъ сороковку и рюмку, налилъ, выпилъ и закусилъ булкой.

— Ты что вчера у старшаго-то дворника въ стуюлку сдѣлалъ? снова спросила жена.

— Тридцать три копѣйки нажилъ. Дулисъ, дулисъ, до двухъ часовъ ночи дулисъ, а всего тридцать три копѣйки. Ты вотъ что... обратился онъ къ женѣ.—Ты чѣмъ о коврахъ-то вспоминать, возьми-ка сегодня кирпичу толченаго да суконку и вычисти мѣдный замокъ у дверей подъѣзда, да кстати и ручку отъ колокольчика. Сегодня ладилъ хозяинъ прѣхать, такъ не заругался бы, что не чищены.

— Да ты самъ-то что?...

— Что самъ!.. Я ужъ и такъ много... Мнѣ, вонъ, смотрѣть надо, кто по лѣстницѣ проходить.

Въ это время хлопнула дверь подъѣзда и швейцаръ выглянулъ изъ своей каморки. Въ дверяхъ стоялъ почтальонъ и отбиралъ изъ сумки газеты.

— Неси самъ!... Неси по жильцамъ... Я не понесу наверхъ. Оставь мнѣ только газеты для жильца изъ перваго номера. Этотъ внизу, такъ, пожалуй, подамъ ему... сказалъ швейцаръ, позѣвывая.

— Да вѣдь пойдешь же наверхъ по лѣстницѣ, такъ заодно... возразилъ почтальонъ.

— Когда я еще пойду! Видишь, я еще и ливреи не надѣвалъ. Неси!.. Не лѣнись. Теперь ковровъ на лѣстницѣ нѣтъ. Топтать нечего.

Почтальонъ началъ взбираться по лѣстницѣ. Швейцаръ вырядился въ ливрею, надѣлъ фуражку съ золотымъ околышкомъ, вынесъ табуретку на подъездъ и, сѣвъ на нее, принялся читать газеты, отрываясь отъ чтенія и вставая съ мѣста только при выходѣ изъ подъѣзда жильцовъ. Прочитавъ одну газету, онъ принялся за вторую. Такъ время продлилось до двѣнадцатаго часа. Въ это время въ отворенныя двери подъѣзда съ лѣстницы раздались возгласы:—швейцаръ! швейцаръ!

Швейцаръ обернулся къ двери и крикнулъ женѣ:

— Софья! Посмотри, кто меня кличетъ.

— Горничная изъ перваго номера кличетъ, отвѣчала жена.

— Ну, не велика барыня... Можетъ и сюда придти. Позови ее сюда.

Появилась горничная.

— Степанъ Андреичъ! Неужто намъ до сихъ поръ газетъ не подавали? спросила она.—Баринъ сердится. Хочетъ въ почтамтъ жалобу посылать.

— Подали, подали. Пусть не горячится. Давно подали, а только вотъ онѣ у меня.

— Давай скорѣй. Они ужаси какъ злятся, что до сихъ поръ газетъ нѣтъ.

— Со злости-то, говорятъ, печенка лопається. Нехорошо.

— Да давайте же! Полно вамъ...

— А вотъ только сейчасъ объ одной скоропалительной любви дочитаю.

— Да развѣ въ газетахъ о любви пишутъ?

— Сегодня, вотъ, пропечатано. Пропечатано, что вотъ такая же, какъ вы, шустрая дѣвица, крестьянка Тверской губерніи, жившая въ услуженіи...

— Вовсе я даже не Тверской губерніи, а Тульской.

— Такъ вотъ такая же шустрая изъ-за скоропалительной любви сѣрныхъ спичекъ наѣлась.

— И умерла? воскликнула горничная.

— Нѣтъ, отпоили. Но жизнь оказалась въ опасности.

— Она, вѣрно, чувствовала любовь, а ей не внимали?

— Да, не внимали. Интриганъ коварный, должно быть, попался. Вотъ остерегайтесь, Дунечка, интригановъ заводить, а то придется спички ѣсть.

— Стану я изъ-за всякаго подлеца спички ѣсть! Однако, давайте газеты-то. Баринъ и меня ругать будетъ, что пропала.

— На вотъ... Неси ему. Скажи, что почтальоновъ теперь убавили, вотъ они и не успѣваютъ во-время подавать.

Горничная схватила газету и побѣжала по лѣстницѣ. Швейцаръ сидѣлъ и потягивался, какъ бы отдыхая послѣ какой-нибудь самой тяжелой работы. Наконецъ, онъ крикнулъ:

— Софья! Что жъ ты замокъ-то у наружныхъ дверей не пойдешь чистить?

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь я тебѣ же обѣдь стряпаю.

— Обѣдь? Ну, стряпай, стряпай! Дѣйствительно, обѣдать пора. А дверной замокъ завсегда вычистить можно, замокъ не сбѣжить... сказалъ швейцаръ и, отъ нечего дѣлать, началъ травить другъ на дружку собакъ, бѣгающихъ около подъѣзда.

— Кусь, кусь его! слышался его голосъ.

ы чего тутъ на тротуарѣ-то съ огурцами остановился! кричалъ швейцаръ, видя, что проходившій мимо мальчишка разносчикъ снялъ съ головы корзинку съ «огурчиками зелеными» и, поставивъ ее на тротуаръ невдалекѣ отъ подъѣзда, сталъ предлагать прохожимъ свой товаръ. — Нешто тротуары для

останавливанія?! Хочешь, сейчас метлой по шею съѣзжу и все твои огурцы къ чертовой матери полетятъ?

Разносчикъ взмолился.

— Да что у тебя, дяденька, тротуара-то убудеть, что ли? слезливо говорилъ онъ.

— Тротуара не убудеть, а коли хочешь стоять около подъѣзда, то обязанъ швейцару халтуру дать. Давай сейчас пятокъ огурцовъ! Только отбери самыхъ лучшихъ.

Огурцы вручены.

— Софья! крикнулъ швейцаръ жене въ отворенную дверь подъѣзда. — Иди сюда! Вотъ тебѣ огурцы къ обѣду. Да скоро ли у тебя тамъ ѣда-то?...

— Скоро, скоро! Котелокъ съ картошкой уже поставила на чугунку! откликнулась жена, появилась на подъѣздѣ и взяла огурцы.

Было двѣнадцать часовъ. Швейцаръ сидѣлъ на табуреткѣ около дверей и зѣвалъ. Подошелъ городской, только что сейчасъ смѣнившій на посту товарища, дружески поздоровался, поговорилъ, попросилъ спичекъ и отошелъ къ своему посту. Дворники начали поливать улицу. Швейцаръ сидѣлъ и созерцалъ.

— Терентій! Видишь, вонъ на той сторонѣ извозчикъ спитъ? Хвати-ка въ него изъ трубы... сказалъ онъ дворнику.

Дворникъ направилъ струю воды изъ кишки на спящаго извозчика. Тотъ проснулся и заругался. Швейцаръ, держась за бока, хохоталъ.

— А ну-ка еще... Вонъ горничная черезъ улицу изъ булочной съ булками бѣжитъ, разохотился на потѣху швейцаръ.

Направлена струя воды на горничную. Пискъ, визгъ, ругательства... Швейцаръ хохочетъ до упаду.

— Софья! Да скоро ли у тебя обѣдъ-то? крикнулъ онъ еще разъ въ подъѣздъ.

— А вотъ только котелокъ закипитъ, слышался отвѣтъ.

Изъ подъѣзда вышли два жильца — одинъ толстенькій и коротенькій, другой худой и длинный. Швейцаръ лѣниво под-

нялся съ табурета и поклонился. Жильцы остановились около подъезда и разговаривали.

— Теперь на желѣзную дорогу и къ себѣ въ усадьбу? спрашивалъ толстенькій.

— Да, въ усадьбу, отвѣчалъ худой.

— Ну, что, какъ у васъ сѣно?

— Половину скосилъ и убралъ, а половина еще стоитъ. Вообразите, рукъ рабочихъ у насъ нѣтъ. По рублю съ четвертакомъ въ день платилъ—и рукъ нѣтъ. Бабы есть, но въ нашихъ мѣстахъ бабы не косятъ, а только шевелятъ граблями и убираютъ.

— Эхъ, я, бывало, встарину, до солдатчины косить-то гораздъ былъ! Я, ваше высокоблагородіе, первый косарь по деревнѣ былъ, ввязался въ разговоръ швейцаръ.

— Былъ, да сплылъ. На легкое дѣло перешелъ... отвѣчалъ худощавый жилецъ и, обратясь къ толстенькому жильцу, прибавилъ:—Вотъ и все такъ. Вѣдь вотъ онъ въ косари не поидетъ, дай ему хоть два рубля въ день.

— Это само собой. Зачѣмъ я, ваше высокоблагородіе, пойду на жарѣ жариться! У меня, вонъ, въ деревнѣ и свой уголъ есть, да Богъ съ нимъ.

— Ну, а сѣяли нынѣшній годъ что-нибудь у себя? опять спросилъ толстенькій жилецъ.

— Говорю вамъ, что рукъ нѣтъ. Какіе теперь посѣвы! Картофелю немного посадилъ, маленькій огородъ—вотъ и все. Рукъ нѣтъ. У насъ въ Крестецкомъ уѣздѣ крестьяне и свои-то поля обрабатывать перестали. Болѣе легкимъ дѣломъ занялись. У насъ все охотники наѣзжаютъ, такъ вотъ все около охотниковъ... Мѣста имъ разыскиваютъ съ дичиной, облавы дѣлаютъ. Тутъ и водка, тутъ и чайная милость, а главное — лодырничество и ничегонедѣланіе.

— Скажите, пожалуйста, вѣдь это очень печально... покачалъ головой толстенькій жилецъ.

— Еще бы не печально, отвѣчалъ тощій.—Люди отказываются отъ земледѣльской заработки и предпочитаютъ ей

неизвѣстно какую, просто случайную. Да и вообще отъ земледѣля всѣ какъ-то отплатнулись. Да вотъ вамъ живой примѣръ, нашъ Степанъ, кивнулъ тощій жилецъ на швейцара. — Ну, чего они вдвоемъ съ женой лѣстницу караулять? Лѣстницу-то укараулить да подмести могла бы и женщина, а онъ здоровякъ-мужчина, могъ бы хлѣбопашествомъ заняться, тѣмъ болѣе, что онъ и по рожденію изъ хлѣбопашецкой семьи.

Жильцы распрощались и разошлись въ разныя стороны. Швейцаръ смотрѣлъ вслѣдъ тощему и бормоталъ:

— Да, братъ... Пожарься-ка самъ на солнцекѣ съ косою да съ плугомъ, а съ меня ужъ будетъ, достаточно. — Софья! Скоро ли у насъ тамъ обѣдъ-то? крикнулъ онъ женѣ.

— Иди, готово...

Швейцаръ пообѣдалъ и икнулъ.

— Ну, ты чистъ звонокъ и ручки у дверей у подъѣзда, а я на боковую... сказалъ онъ женѣ. — Теперь жильцы разошлись и разѣхались, такъ можно. Визиты тоже никого не принесетъ къ намъ дѣлать лѣтомъ. Придетъ кто-нибудь пустую квартиру нанимать—покажи, пріѣдетъ хозяинъ—разбуди меня, а иначе будить не смѣй, я самъ проснусь, когда выплюсь.

Черезъ десять минутъ швейцаръ храпѣлъ у себя въ каморкѣ, и храпѣлъ онъ ровно до четырехъ часовъ дня, пока жена не начала ставить самоваръ и не загремѣла трубой. Тутъ онъ открылъ глаза.

— Самоварчикъ ставишь? Ну, вотъ и отлично. Чайку попить теперь первый сортъ.

Позѣвывая и потягиваясь, надѣлъ онъ ливрею, вышелъ на подъѣздъ. У подъѣзда играли два щенка. Мелочной лавочникъ, стоя у дверей лавки, кидалъ имъ какую-то катушку на веревкѣ и они возились съ ней. Швейцаръ улыбнулся во всю ширину лица. Его осѣнила мысль.

— Василій! Скипидаръ есть? спросилъ онъ лавочника.

— Есть.

— Давай, помажемъ скипидаромъ щенковъ. То-то они завоюются.

Дозв. цензур. С.П.Б. 10 Декабря 1850 г.

Лит. Р. Године.

НА БЕЗДѢЛЬНОМЪ ДѢЛѢ.

